

УДК 821.161.1.0

РОБЕРТ БЕРНС И К.И. ЧУКОВСКИЙ

Жаткин Д.Н.

*ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет», Пенза,
e-mail: ivb40@yandex.ru*

В статье, продолжающей цикл работ автора, посвященных осмыслению творчества К.И. Чуковского в контексте русско-английских литературных и историко-культурных связей, обобщены материалы, характеризующие влияние на К.И. Чуковского произведений шотландского поэта Роберта Бернса. Отмечается, что отношение К.И. Чуковского к Бернсу во многом формировалось под влиянием переводов С.Я. Маршака, которые, несмотря на определенную вольность, воспринимались как эталон в плане проникновения в творческую лабораторию великого шотландца. Отдельно осмысливаются обстоятельства появления бернсовских переводов В.М. Федотова, вызвавших в начале 1960-х гг. консолидированное неприятие К.И. Чуковского и С.Я. Маршака.

Ключевые слова: К.И. Чуковский, Роберт Бернс, художественный перевод, русско-английские литературные и историко-культурные связи, межкультурная коммуникация, традиция

ROBERT BURNS AND K.I. CHUKOVSKY

Zhatkin D.N.

Penza State Technological University, Penza, e-mail: ivb40@yandex.ru

The article which continues authors works cycle, devoted to the K.I. Chukovsky artistic work interpretation in the context of Russian-English literary and history-cultural interconnections, summarizes the materials, that characterize the influence of the Scottish poet Robert Burns compositions on the K.I. Chukovsky. We noticed that K.I. Chukovsky attitude towards Burns was formed under the influence of S.Y. Marshak interpretations, even though they were quite independent, they were still appreciated as a good example of interference into the creative laboratory of the famous Scottish poet. We separately evaluate the circumstances of Burns translations appearance, which were made by V.M. Fedotov and provoked a negative reaction in the beginning of the 1960 years of K.I. Chukovsky and S.Y. Marshak.

Keywords: K.I. Chukovsky, Robert Burns, artistic translation, Russian-English literature, historical and cultural relations, intercultural communication, tradition

В наших статьях разных лет рассматривались проблемы рецепции творчества Бернса в дореволюционной и современной России [см., например: 4, с. 137 – 144; 5, с. 116 – 135; 7, с. 145 – 149; 8, с. 104 – 118; 9, с. 9 – 13; 10, с. 163 – 166; 11, с. 3 – 8]. Вместе с тем шотландский поэт обрел наибольшую известность в России в советскую эпоху. Бернс входил в круг постоянных литературных интересов К.И. Чуковского, что подтверждается, в частности, тем обстоятельством, что он нередко упоминался русским писателем «к слову» в самых разнообразных контекстах [подробнее об этом см.: 6, с. 225 – 241]. И все же основная часть материалов о Бернсе в произведениях и эпистолярной К.И. Чуковского была связана с деятельностью отечественных поэтов-переводчиков, прежде всего, С.Я. Маршака. О своем намерении провести сравнительно-сопоставительный анализ бернсовских прочтений С.Я. Маршака и более ранних переводов его произведений, выполненных О.Н. Чюминой и другими интерпретаторами, К.И. Чуковский сообщал в письме к С.Я. Маршаку от 24 июня 1957 г., отдельно указывая, что результаты исследования планируются к опубликованию как отдель-

ной статьей, так и в книге «Большое искусство» [см.: 16, с. 440–441]. Однако в итоге появился лишь небольшой абзац в названной книге, в котором практически отрицались заслуги дореволюционных переводчиков («Бернс, огражденный от переводчиков очень крепкой броней, больше ста лет не давался им в руки, словно дразня их своей мнимой доступностью – «вот он я! берите меня!», – и тут же отшвыривал их всех от себя» [15, с. 191]) и акцентировалась «мертвая хватка» С.Я. Маршака, который «победил-таки этого непобедимого гения и заставил его петь свои песни на языке Державина и Блока» [15, с. 191].

Первые упоминания о С.Я. Маршаке как переводчике Бернса можно встретить еще в довоенном эпистолярной Чуковских. Так, в письме К.И. Чуковского к дочери Л.К. Чуковской, датированном концом ноября 1939 г., сообщалось, что «3-го дня был <...> Маршак, обедал у нас и читал маме <жене К.И. Чуковского М.Б. Чуковской> свои переводы из Бернса» [18, с. 253]. Несколько ранее, 8 апреля 1939 г., в письме Л. Пантелееву Л.К. Чуковская, интересуясь возможностью встречи адресата с С.Я. Маршаком и чтения последним новых переводов из

Бернса, характеризовала их как «ослепительные» [17, с. 23], после чего приводила особенно поразившее ее двустишие из переводного стихотворения «Макферсон перед казнью», впервые опубликованного в № 4 «Молодой гвардии» за 1939 г.:

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он –

и делала помету – «от этих строк мне становится холодно» [17, с. 23].

В декабре 1941 г. К.И. Чуковский направил письмо С.Я. Маршаку, в котором восторгался его переводами из Бернса, в особенности, такими «неожиданными» [16, с. 321], как «Ты меня оставил Джемми...», «В полях, под снегом и дождем...». Отмечая их «подлинную страсть и лирику», К.И. Чуковский признавался, что, благодаря переводным балладам, ему удалось иначе понять многие детские стихи С.Я. Маршака, которые «по-новому зазвучали» [16, с. 321]. В своем обращении к С.Я. Маршаку К.И. Чуковский характеризовал его как едва ли не лучшего современного переводчика: «Рядом с Вами другие переводчики – почти все – косноязычные заики» [16, с. 321].

По прошествии лет К.И. Чуковский в определенный момент ощутил творческое увядание С.Я. Маршака, вызванное старением и болезнью. В дневниковой записи от 21 февраля 1957 г. он признавал, что у поэта-переводчика нет уже «ни вдохновения, ни дарования, одна сухая и мертвая виртуозность»: «Стихи Бернса, переведенные им теперь, как небо от земли отличаются от стихов, переведенных лет 20 назад: в них бывает по 4 рифмы в строфе, рисунок в них четкий, но и только» [19, с. 230]. Впрочем, пессимистическое восприятие К.И. Чуковским позднего С.Я. Маршака было недолгим. Уже в конце 1957 г. (см. дневниковую запись от 3 декабря 1957 г.) К.И. Чуковский с интересом принял предложение А.Т. Твардовского выступить с содокладом о С.Я. Маршаке на юбилейном вечере, для чего в течение двух недель изучал Бернса, Блейка, сонеты Шекспира [см.: 19, с. 246]. В записи от 31 декабря 1958 г. К.И. Чуковский рассказывал, как накануне, на импровизированном литературном вечере у С.Я. Маршака, он вместе с А.К. Кнорре читал переводы С.Я. Маршака из Бернса – «превосходные, на высочайшем уровне» [19, с. 277]. 1 марта 1964 г. в дневнике писателя появилась запись о состоявшемся вечере С.Я. Маршака, на котором тот, «очень изнеможенный, но бодрый» [19, с. 385], в числе прочего, прочитал свой перевод стихотворения Бернса «For A' That and A' That» («Честная бедность») и трех –

четырёх эпиграмм, причем «публика хлопала после каждого опуса, хотя многое до нее совсем не доходило» [19, с. 385].

Годы спустя (см. дневниковую запись от 24 августа 1968 г.), размышляя о своеобразном уме С.Я. Маршака, К.И. Чуковский констатировал, что поэт-переводчик почти не читал литературоведческих очерков, не знал истории литературы, однако знал сотни народных песен (на разных языках), знал практически наизусть чуть не всего Пушкина, «знал творческой страстной любовью – Шекспира, Китса, Шелли – всех, кого переводил, <...> знал Бернса» [19, с. 496]; именно эта страстная любовь и побуждала его к творчеству, была главной движущей силой его таланта. Бернс, наряду с У. Шекспиром и У. Блейком, входил в триаду особенно близких С.Я. Маршаку «воителей», что «пришли в этот мир угнетения и зла для того, чтобы сопротивляться ему» [15, с. 191].

В книге «Высокое искусство» К.И. Чуковский утверждал, что точный перевод – вовсе не тот, в котором с максимальной точностью воспроизведены формальные признаки оригинального текста – его строфика, ритмика, количество стихов и даже характер словаря, а тот, который передает поэтическое очарование переводимого текста, его духовную сущность, его внутреннее смысловое ядро. В качестве примера такого полноценного перевода, что воспроизводит «не букву – буквой, но юмор – юмором, красоту – красотой», К.И. Чуковский приводил перевод С.Я. Маршаком стихотворения Бернса «Честная бедность», в котором интерпретатор ушел от дословности и буквализма и, внося ряд дополнений, достиг исключительной поэтической точности, в полной мере передал «саркастическую интонацию Бернса, злобу, которую он питал к меднолобым насильникам», воссоздал «крылатую афористичность этого издательского стихотворения» [15, с. 61].

Если прежде Бернс воспринимался как некий «серый мужичок-простачок, сочинитель самоделковых, топорных стихов», то благодаря С.Я. Маршаку он предстал «одним из самых изощренных стилистов, человеком тонкого безупречного вкуса, замечательным виртуозом поэтической формы» [15, с. 65]. На взгляд критика, С.Я. Маршак был, прежде всего, поэтом, а потому «в лучших маршаковских переводах из Бернса не чувствуется ничего переводческого» [15, с. 65]. С.Я. Маршак не просто сделал переводы поэзии, – он совершил некое покорение, «завоевательный акт» [15, с. 191], благодаря которому чужеземный поэт властью дарования был обращен в русское подданство. Мастерство

перевода у С.Я. Маршака настолько велико, что иногда «у читателя возникает иллюзия, будто Бернс писал эти стихотворения по-русски» [15, с. 192], например, стихотворный перевод «Я воспитан был в строю...» «по всему своему ладу и складу <...> кажется подлинником» [15, с. 193].

В письме С.Я. Маршаку от 15 июля 1963 г. К.И. Чуковский рассказывал о своей новой статье «В защиту Бернса», в которой резко осуждалась книга переводов В.М. Федотова из Бернса «Песни и стихи», выпущенная издательством «Советская Россия» в 1963 г. Попытка В.М. Федотова впервые после С.Я. Маршака перевести на русский язык произведения Бернса была признана К.И. Чуковским абсолютно провальной, а его книга оценивалась как «постыдный» факт появления «халтурной работы дилетанта» на фоне общего высокого уровня развития художественного перевода («Как будто среди великолепных певцов вдруг выступил безголосый заика» [15, с. 205]). Метод переводчика он находил вульгарно-русификаторским, в самих же переводах были выявлены многочисленные текстуальные ошибки. Делясь с С.Я. Маршаком своими впечатлениями от переводов В.М. Федотова, К.И. Чуковский просил посоветовать, в каком издании, не находящемся «в стачке с публикаторами этой книжонки» [16, с. 542], можно было бы поместить отзыв, а также сообщил о намерении включить написанное в книгу «Высокое искусство». К.И. Чуковский признавался, что писал статью «В защиту Бернса» «недели две, не отрываясь, т.к. трудно доказать пошляку, что он пошляк, и мерзавцу – что он мерзавец» [16, с. 542].

В телеграмме от 23 июля 1963 г. и в письме от 26 июля 1963 г. из Дома творчества Литфонда в Ялте С.Я. Маршак в целом характеризовал статью К.И. Чуковского как «прекрасную – умную, убедительную, молодую» [13, с. 487], предлагая лишь заменить слово *лютая* / *жестокая* при характеристике зимы в южной Шотландии эпитетом *суровая* и простить В.М. Федотову использование лексемы *версты*, поскольку *мили* не всем известны. «Соперничество бездарного переводчика, – писал С.Я. Маршак К.И. Чуковскому, – мне ничуть не страшно, хоть книга его появилась накануне выхода нового издания моего Бернса (на этот раз в двух книгах). Но грустно видеть неразборчивость издательства, да и читателей, – впрочем, далеко не всех» [13, с. 487 – 488]. Особое неприятие вызвала и у К.И. Чуковского, и у С.Я. Маршака поддержка «бездарного» В.М. Федотова целым рядом влиятельных в то время писателей,

в частности, написавшим предисловие к его книге С.А. Васильевым.

В качестве места для публикации статьи С.Я. Маршак рассматривал «Литературную газету» и «Известия». Однако на деле ситуация оказалась намного сложнее. По наблюдению критика В.А. Козаровецкого, активно поддержавшего выход сборника В.М. Федотова, державно-патриотическое издательство «Советская Россия» «пошло на это издание скорее в пику ненавистному «Новому миру», чем из любви к Бернсу или Федотову» [12]. Этому событию предшествовал и другой эпизод: со слов В.М. Федотова, переданных В.А. Козаровецким, «после выхода в Архангельске его первой книжечки переводов из Бернса в 1958 году Маршак добился решения коллегии Министерства культуры РСФСР запретить областным издательствам публиковать переводы иностранной классики без согласования с министерством (под предлогом контроля за качеством)» [12], поэтому В.М. Федотову ничего не оставалось как обратиться в «Советскую Россию», не принимавшую либеральных ценностей «Нового мира» А.Т. Твардовского и близкого этому изданию С.Я. Маршака.

В свете сказанного понятно, почему и «Литературная газета», и «Известия», не пожелав ввязываться в идеологические распри, отказались от публикации статьи К.И. Чуковского, сообщившего 26 июля 1963 г. С.Я. Маршаку: «<...> дал статью в «Известия». Аджубея нет, он уехал на Кубу. Его заместитель говорит: «боюсь, что для нашей газеты это слишком специально». <...> В «Литгазете» она <статья> была. Возвратили. «Мы предпочитаем теоретические ваши статьи о переводе»» [16, с. 543]. В итоге «неуклюжими попытками» напечатать статью К.И. Чуковский достиг лишь того, что «федотовская партия уже знает, что такая статья существует и примет свои контрмеры» [16, с. 543]. Однако публикация вскоре все же состоялась – на страницах сентябрьского номера «Нового мира» за 1963 г. [14, с. 224 – 227].

Параллельно К.И. Чуковский подготовил материал и для своей книги «Высокое искусство», акцентировав переводы С.Я. Маршака из Бернса и введя «в виде контраста <...> несколько страниц о федотовщине» [16, с. 543]. Считая, что подобный материал будет «куда сократительнее» газетной статьи, К.И. Чуковский попутно сообщил С.Я. Маршаку, что по его совету в окончательном тексте «многое исправлено, подчищено», но внес при этом и элемент полемики: «И «версты», и «копейки», конечно, допустимы в переводах шотланд-

ских стихов, но не вместе с «целковыми», «пятакми», «батюшками». Зиму я сделал суровой, хотя помню зиму 1916 г. в бернсовских местах – очень холодную» [16, с. 544].

Свою крайне негативную оценку переводческого труда В.М. Федотова, данную в статье «В защиту Бернса», К.И. Чуковский обосновывал множеством конкретных примеров. Так, в переводной поэме «Святочная ночь» «шотландские крестьяне, которых Бернс всегда воспевал с такой нежностью, представлены <...> чуть не олухами: в самую суровую зимнюю пору, когда трещат морозы и свирепствуют вьюги, эти чудачки всей оравой отправляются в засыпанные снегом поля и как ни в чем не бывало собирают там свой урожай», после чего «в ту же зимнюю ночь безумцы отправляются в огород за капустой» [15, с. 198–199]. Подобный казус был допущен из-за того, что за события святочной ночи переводчиком были выданы действия, происходившие в октябре, о чем говорило и название оригинального стихотворения Р. Бернса – «Halloween» («Хэллоуин»).

В числе недостатков переводов В.М. Федотова К.И. Чуковский видел «неумную» русификацию, проявившуюся, в частности, в том, что герои пели «Боже, царя храни!» («Кто не поет: храни царя – / Того карают строго»), причем царь и далее упоминался неоднократно; кальвинистский священник был назван «батюшкой» («Из ближней церкви батюшка»); в тексте фигурировали названия российских дензнаков («пятак», «копейка», «копеечка», «целковый»), поэтизмы русского фольклора («доля-долюшка», «судьбинушка», «ноченька», «парнишка», «тятенька», «девчата») и т.д. «И добро бы он преобразил всю Шотландию в Рязанскую или Псковскую губернию, – писал далее К.И. Чуковский, – здесь был бы общий принцип, была бы система. Но в том то и дело, что <...> он на пространстве всей книги смешивает реалии русского народного быта с реалиями шотландского. Наряду с «парнишками» и «тятеньками», у него есть и «волынка», и «пледы», и «феи», и «Стюарты»» [15, с. 200].

К.И. Чуковский видел у В.М. Федотова и аляповатый стилистический разноречивый тип «И в комнату вошла девчонка, / Сверкнув очами», и небрежность в рифмах, делавшую Бернса в глазах читателей «разнуданным словесным неряхой, кропающим свои кривобокие вирши спуска рукава, кое-как на ура, на фуфу» [15, с. 201]; многие слова были исковерканы у В.М. Федотова неверными ударениями («взапуск», «голоден», «ахти», «сломлен», «прилила», «постны»). По наблюдению К.И. Чуковско-

го, «из-за этой бесшабашной разнуданности многие кристаллически ясные образы и мысли Бернса оказываются в переводе до того замутненными, что до смысла их никак невозможно добраться» [15, с. 201].

Видя у В.М. Федотова «гигантскую безвкусицу, которая на каждой странице буквально кричит о себе», К.И. Чуковский приводил примеры «нелепой» игры слов, плохих каламбуров, косноязычного скопления согласных, «раздрезбуженных эпитетов» [15, с. 202]. Эротические, фривольные стихи, звучавшие у Бернса «улыбчиво, грациозно, красиво», почему-то выходили из-под пера переводчика «скабрено и грубо» [15, с. 203]. В конечном итоге «немногие блески», редкие «крепко сколоченные, ладные, прочные строки» оказывались, на взгляд К.И. Чуковского, «захлаплены грудами словесного шлака, которые не отгребешь никакими лопатами» [15, с. 203].

В настоящее время, когда острота споров прежних лет существенно сгладилась, следует признать, что К.И. Чуковский был не всегда объективен: некоторые переводы В.М. Федотова из числа вошедших в два подготовленных им бернсовских сборника, вполне заслуживают не только доброжелательного внимания, но и повторной публикации. Существенные шаги на пути реабилитации В.М. Федотова как переводчика были сделаны Б.И. Колесниковым, который при подготовке «Избранного» Бернса в издательстве «Московский рабочий» в 1982 г. включил в него как переводы С.Я. Маршака, так и 90 переводов В.М. Федотова, среди которых и такие объемные, как «Святочная ночь», «Видение» (дуаны первый и второй), «Святой базар» [см.: 2, с. 95 – 143, 174 – 186, 199 – 222]; отдельные переводы В.М. Федотова продолжают переиздаваться и в наши дни [1, с. 504, 540; 3, с. 176, 179, 214, 221, 230 – 231, 246].

Исследование осуществлено в рамках реализации проекта № 2232 «Междисциплинарные социально-гуманитарные исследования в контексте инновационного развития и международных связей» базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ.

Список литературы

1. Бернс Р. Объяснение («А что, в твой дом, а что, в твой дом...»); Тонкий намек («Когда на улице темно...») / Пер. В.М. Федотова // Бернс Р. Собрание поэтических произведений / Сост. Е.В. Витковский. – М.: Рипол-классик, 1999. – С. 504, 540.
2. Бернс Р. Песни и баллады; Политическая поэзия и сатира; Поэмы / Пер. В.М. Федотова // Бернс Р. Избранное / Сост. и предисловие Б.И. Колесникова. – М.: Московский рабочий, 1982. – С. 95 – 143, 174 – 186, 199 – 222.

3. Бернс Р. Робин жал овес; В долине девушка жила; Добрая новость; Ленивый туман; Когда б я на Парнасе жил; Соловью // Шотландская поэзия / Сост. Л.И. Володарская. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2003. – С. 176, 179, 214, 221, 230 – 231, 246.
4. Жаткин Д.Н. Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840 – 1850-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2008. – № 3. – С. 137 – 144.
5. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р. Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 6 (38). – С. 116 – 135.
6. Жаткин Д.Н. Русские переводы Р. Бернса и У. Блейка в восприятии К.И. Чуковского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: Сб. научных трудов / Отв. ред. Д.Н. Жаткин. – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225 – 241.
7. Жаткин Д.Н. Творчество Р. Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 10. – Ч. 1. – С. 145–149.
8. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 104 – 118.
9. Жаткин Д.Н. «Чаша жизни» в русской поэзии // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 9 – 13.
10. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Р. Бернс и И.И. Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №4. – С. 163 – 166.
11. Жаткин Д.Н., Долгов А.П. Пери в русской поэзии // Русская речь. – 2007. – №3. – С. 3 – 8.
12. Козаровецкий В.А. Двойной удар. В защиту художественного перевода... от Маршака и Чуковского // <http://telyonok.narod.ru/01.htm>.
13. Маршак С.Я. Письмо К.И. Чуковскому от 26 июля 1963 г. // Маршак С.Я. Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1972. – Т. 8. – С. 487 – 489.
14. Чуковский К.И. В защиту Бернса: (Роберт Бернс. Песни и стихи. Перевод с английского Виктора Федотова. «Советская Россия». М. 1963. 232 стр.) // Новый мир. – 1963. – №9. – С. 224 – 227.
15. Чуковский К.И. Высокое искусство // Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. / Сост. и комментарии Е.Ц. Чуковской. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – Т. 3. – С. 3 – 370.
16. Чуковский К.И. Письмо С.Я. Маршаку от декабря 1941 г.; Письмо С.Я. Маршаку от 24 июня 1957 г.; Письмо С.Я. Маршаку от 15 июля 1963 г.; Письмо С.Я. Маршаку от 26 июля 1963 г. // Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. / Сост. Е. Ивановой, Л. Спиридоновой и Е. Чуковской; общая редакция, подготовка текстов и комментарии Е. Ивановой и Е. Чуковской. – М.: Терра–Книжный клуб, 2009. – Т. 15. – С. 321 – 322, 440 – 441, 542 – 544.
17. Чуковская Л.К. Письмо Л. Пантелееву от 8 апреля 1939 г. // Пантелеев Л., Чуковская Л.К. Переписка. 1929 – 1987 / Предисловие П. Крючкова; подготовка текста и комментарии Е.Ц. Чуковской. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 22 – 24.
18. Чуковский К.И. Письмо Л.К. Чуковской от конца ноября 1939 г. // Чуковский К.И., Чуковская Л.К. Переписка. 1912 – 1969 / Вступ. ст. С.А. Лурье, комментарии и подготовка текста Е.Ц. Чуковской, Ж.О. Хавкиной. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 252 – 253.
19. Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. / Сост., подготовка текста и комментарии Е.Ц. Чуковской. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – Т. 13. Дневник. 1936 – 1969. – 640 с.